

ЗАОНЕЖСКИЕ БОБКИ-БАВУШКИ

В прежние годы я заслушивался рассказами известного кижского плотника-реставратора Михаила Кузьмича Мышева. Славного древодела и краснослова давно нет на белом свете. Зато сохранины мои заветные записные книжки. Сегодня я раскрыл блокнот с пометкой «Игрушки Русского Севера».

— Стариной интересуюсь? И какие игрушки-бабушки бывали?

Кузьмич отложил бледный осиновый чурбак, из которого вытесывал лемех — изогнутую резную пластику для покрытия главки храма в Кижах. Взял в руки смуглое сосновое поленце. Взмахами топора распустил на лучины. Золотистый шершавый пучок смешался со сквозистыми лучами солнца, наполнившими щелястый временный сарайчик-бытовку реставраторов близ Преображенской церкви.

— Это называлось «башничать»... баловство плотницкое! Придет в деревню плотницкая артель.

Славутник, вож артельный, сядет в горенке с хозяином рядиться — каким предбудущему дому быть. А нас, мастеров средней руки да и ребят-вздымщиков, ну, которые бревна на сруб вадымают — обступают местные ребятишки: «Дяденька, бобку!» И взрослые присматриваются: «Этта что за ватага приложалова!» У нас не зря молят: «Клин вытесать — и на том мастерство казать! На пустом деле — ребятишек приласкать, им бавушку сделать — видны и норов твой, и мастерство. Ересливому-нравному с людьми не жить... Вот, первое дело, и выражешь для ихнего удивления пильщика. Ино из лучин человека, ино из бруска. Пила, конечно, из тяжелой длинной лучины, такой, чтобы был фигуре противовес!

С этими словами славутник поставил на край скамьи грубо врезанного человечка. В вытянутых вперед руках заонежский Буратин держал ручки опущенной вниз продольной «пилы» с крупно нарезанными зубьями. «Пильщик» встал на острые носки резных сапожек, качнулся — и пила его мерно заходила в маятниковом движении — вперед-назад и вверх-вниз.

— Хорош парень? — просветлел старый плотник. Сквозь седину его сурововского хохолка над крутым загорелым лбом, сквозь щеточку серебряных усов проглянуло неизжитое ребячество. — Будет теперь пилить, как бывалош-

ний усердный вытегор... ходили с Вытегры мужики здоровенны, полороты. Пластили брус на тес. Один пильщик встанет на козлы верхником. Другой — нижником. Так и пилият. Бобку эту вот, пильщика, я перенял делать от знаменитого в наших местах столяра Алексея Петровича Парамонова из заонежского села Фоймогуба. Он в братовьях был, когда наша артель ставила в Петрозаводске Дом крестьянин*. Узорные наличники, причелины, балюсины на крыльцах, на балконах-крулевках — всё его работы, его мастерства.

Мальчиком Алеша обучался ремеслу в мастерской краснодеревца в Питере, как и я. Вернулся он в свою Фоймогубу матерым. Тут оженился, дом себе поставил и бородушку отпустил. Одевал срубы в кружево, настипал лавки, полици в новых избах; делал столы, посудницы, киоты, творил ребячью радость — резные бобки-бабушки.

Гляди-ко, пильщик-то все еще старается. Отрабатывает свой упряг.

Фоймогубский бавушник делал не только простые «панки» — резных дедов из четырехгранных брусков. Не только коников на колесах. Резал игрушку все больше такую, что требует технического расчета. Сработает, бывало, вододействующий молот. Ребятишки ручей запрудой затворят, воду на колесо направят. Станет вода крутить колесо, вздымать молоток — аккурат как на бывалошнем заводе Бутмана-Бутенанта. Мог сделать ветряк. Такой, какой сработал старик Беканин из Волкострова. Его всаделинная мельница-столовка посейчас на краjkе в Кижах стоит. Только Парамоновская мельница-бабушка вся как есть в горсти уместится.

Ну, шабаш, братан-пильщик, тес пластиарь. Закуривал.

Деревянный трудник, качнувшись последний раз, остановился словно в замчивости. Держал в вытянутых впе-

ред руках поперечину рукояти продольной пилы. Михаил Кузьмич поднял осиновую плашку, собираясь продолжить вытесывать лемеха.

— Ты меня на старинушку-матушку повернул! — проворчал знаменитый дед. — Про былого бавушника Парамонова Алешу напомнил. Кузьмич опять стронул заскорузлым пальцем легкого соснового пильщика. Тот весело, словно наскучив отдыхом, принялся вздымать и опускать пильное полотно-маятник.

— Дай Бог памяти. У него, у Парамонова, все больше движущаяся была игрушка. Акробата помню: весь складной, лучинные руки ноги на гвоздочках. Крутится на таком турнике — станочек как буква «Н», с перекладинкой; сверху двойная бечевка натянута, он и кувыркается. А другой циркяк деревянный ловко лезет вверх по двум веревочкам, укрепленным на концах коромысла и продетым в ладони паренька. Только потяни сначала за одну веревочку, потом за другую — он и стронется. Такие игрушки тогда и в лавках продавали: крашеные в яркие цвета анилином — в желтые, красные, зеленые. Как лубочные картинки. Но эта крашеная игрушка — покупная, ею и на Шуньской ярмарке торговали. А Парамонов никогда за свои бавушки денег не брал, отдавал в даровьях.

В обыденок-то в деревне — хотя бы и у нас, в Толвуе! — ребячы бобки какие? Цветастую тарелку, блюдечко невзначай расколотят — черепки отдадут ребятишкам играть. Берестяной мячик сплетем — арабские-то уж

потом стали привозить. На Святки страшные маски сделаем — берестяные да лубяные, с бородами из льняной кудели. Бегаем, гремим берестяными гремками — это как мяч сплетенный на рукоятия, а внутри — сухой горох! Пуще праздник нам, как придет в село плотницкая артель! Или вот — портной сядет шить, лоскутья метать вокруг себя! Шерстобит. Станет валенки валять, расписывать их цветами-травами. Шорник — дратву смолить, ладить сбрую с колокольчиками и бубенчиками. Андомский или каргопольский гончар наедет с черепенным товаром, а промеж горшков да квашонок у него в соломе овсяной, знаем, — крашеные игрушки-бабушки. Около мастеровых людей въемся, как комариный толкунок:

— Дяденьки, бобку...

Виктор ПУЛЬКИН
г. Петрозаводск

* Дом крестьянин (гостиница в виде обширного бревенчатого терема) строился в конце 20-х годов XX в. бригадой заонежских плотников. Впоследствии использовался как театр, филармония, Дом народного творчества. Сгорел в 2001 г.